

На соискание Государственной премии СССР

НА ВЫСОКОЙ ОРБИТЕ

Иван ШАМЯКИН,
народный писатель БССР

АНДРЕЙ Макаенок рассказывает такой случай из своей биографии.

Он был в известном крымском десанте на Керченском полуострове. Там его ранило. Но ему повезло, как немногим из того трагического десанта, — удалось переправиться на кавказский берег во фронтовой госпиталь.

Когда вокруг сотни раненых, решение коротко: на операционный стол. Суровый приговор: ампутация обеих ног. Можно себе представить, что почувствовал человек в возрасте двадцати одного года после такого приговора. Остаться без ног, калекой на всю жизнь. Но один из врачей, за двое суток успевший полбить жизнестойкого, веселого хлопца, который, несмотря на тяжелое ранение, находил в себе силы шутить, сказал Андрею: «Не соглашайся на ампутацию. Гангрены нет. Ноги можно спасти».

Атакуя незадолго до ранения немецкие позиции, Андрей снял с убитого немецкого офицера парабеллум. И как памятный трофей возил его в полевой сумке вместе с записной книжкой, заполненной выписками из философов, собственными зарисовками. Когда пришли врачи и санитары с носилками, чтобы забрать его в операционную, Андрей схватился за парабеллум. В госпитале поднялся скандал. Сбежалось все начальство.

Главному хирургу, наверное, понравилось такое своеобразное мужество молодого человека. И он приказал безотлагательно на самолете переправить Андрея в тыловую госпиталь. Ноги были спасены.

За тридцать лет, прошедших с того дня, они, ноги эти, истоптали бесконечное множество стезек и на родной белорусской земле, и на Кавказе, и во Вьетнаме, и в Африке, и в Америке — почти на всех континентах.

Я вспомнил этот случай потому, что в нем предельно ярко проявились главные черты макаенковского характера — твердость, непоколебимость, крепкая воля, целенаправленность. Таким он остался на всю жизнь, а жизнь закалила его характер.

Деревенский хлопец, активный участник художественной самодеятельности, курсант, политработник, а после ранения, в трудные военные годы, учитель в азербайджанском селении, секретарь райкома и горкома комсомола, работник райкома партии, народный судья, журналист и драматург со всесоюзным именем. Андрей всегда в гуще народа, среди людей, которые двигают нашу жизнь вперед.

Из его рассказов мне известно, что любовь к театру, к профессии актера жила в нем со школьных лет. Он мечтал стать актером, и, я уверен, что актер из него получился бы неординарный. Опытные мастера сцены в Минске, Москве, Киеве — все, кто слышал, как он

читает свои пьесы, с восторгом говорят, что немногие из драматургов умеют так читать.

Пробовал молодой Макаенок свои силы и в живописи. Не знаю, что у него получалось раньше — этот человек никогда ничего не хранит: ни записей, ни рисунков, ни черновиков. В его комнате висит единственный графический автопортрет. Андрей на нем такой, каким его редко видят даже самые близкие друзья — глубоко задумавшийся, немного грустный. Глядя на этот автопортрет, я каждый раз восхищаюсь умением автора несколькими штрихами передать настроение, сущность характера. Сожалею, что сейчас Андрей больше не берет в руки карандаш, кисти. А может, это и хорошо — не распылять внимания, творческой энергии, сосредоточиться на том виде искусства, где чувствуешь, что можешь достичь наибольшего успеха.

Общезвестно, что в лице А. Макаенка белорусская драматургия обрела достойного продолжателя традиций Я. Купалы и К. Крапивы.

У Андрея редкий талант юмориста, сатирика. Талант очень естественный, природный, отточенный богатым жизненным опытом.

Путь А. Макаенка в драматургии начался с триумфального шествия комедии «Извините, пожалуйста!». Ее поставили более 200 театров, пьеса переведена на все языки союзных республик, вышла на сценические подмостки Польши и Болгарии. Чем был обусловлен такой успех комедии? Во-первых, масштабностью проблем, поставленных перед зрителем. Драматург заговорил о самом насущном — о хлебе, которого тогда, двадцать лет назад, не хватало, и о двух проблемах, без решения которых тяжело было вырастить хлеба больше. Кто мог остаться равнодушным к хлебу?

Во-вторых, рассказал Андрей обо всем этом мужественно, энергично, безжалостно обличая средствами сатиры тех, кто мешал решению важнейших вопросов, и одновременно с народным юмором, рисуя характеры положительных героев.

Задача каждого писателя — не просто проинформировать читателя, зрителя о каком-либо, пусть и очень важном, событии, а создать жизненно-правдивые социальные типы, характеры. Персонажи комедии «Извините, пожалуйста!» от-

вечали именно этим высоким идейно-художественным требованиям. Имена их стали нарицательными. Я не раз радовался и даже творчески завидовал Макаенку, когда в самой глубинке — в колхозах, в райцентрах слышал короткие и исчерпывающие характеристики: «Калиберов!», «А это Моцкин», «Ну, это — хоць круць-верць, хоць верць-круць» — и слушатели знали, о ком идет речь, и весело смеялись.

Есть еще один критерий высокой ценности произведения социалистического реализма, его социальной значимости — прицел на те вопросы экономики, культуры, которые поставлены жизнью, ее поступательным движением.

В этом плане интересна история «Левоники на орбите». Комедия была поставлена на сцене Академического театра имени Я. Купалы, ее тепло встретили и зритель, и театральная общественность.

Но удивительная вещь — произведение, так горячо принятое зрителем, было прохладно встречено критиками. Некоторые из них, кстати, не поверхностные люди, умные, ко мнению которых мы прислушиваемся, считали, что проблематика пьесы надуманная, что колхозная действительность приукрашена, что, мол, нет еще таких Лушек и таких конфликтов и т. д. При этом почему-то игнорировали другую коллизию, связанную с образом Глузджака, который по тому времени был безусловным открытием.

Прошло время, и оно выявило, что горизонт драматурга был обширен, смотрел он глубоко и видел дальше, чем его коллеги-критики.

После «Левоники» у Макаенка была продолжительная, в несколько лет, творческая пауза. Он отдавал все время редактированию журнала «Неман». Но несомненно, что все эти годы в нем шла напряженная работа — та, что никому иному не видна, которую мы условно называем изучением жизни, творческими поисками и т. д.

Будем считать, что в результате этих поисков Андрея наконец «прорвало»: за короткое время, за какие-то три года, он создает четыре комедии, киносценарий. Но дело не в количестве. Все новые вещи по-прежнему, по-макаенковски,

остры, веселы и еще более глубоко по философскому осмыслению жизни.

Тема жизни там, по ту сторону, в капиталистическом мире, — не новая для драматурга. По существу с нее он начинал. Его первая пьеса «На рассвете» — о борьбе французского народа за мир — с успехом шла на купаловской сцене. Новая комедия «Затюканный апостол» очень остро, в непривычных ситуациях, в гротескно-обобщенных образах разоблачает гниль современного буржуазного общества, убожество его философии, распушенность нравов.

Пожалуй, нет более трудной задачи в драматургии, чем органично объединить в единое целое комедийное и героическое. Немногие, даже обессмертившие свои имена, отваживаются на такой шаг. Сегодня на афишах десятков театров России, Украины, Литвы, многих других республик под именем Андрея Макаенка напечатано большими буквами грозное слово «Трибунал» и еще ниже — «Трагикомедия, народный лубок». Так драматург определил жанр своего нового произведения. Определил, по моему, очень удачно и точно. Так рассказать о самом страшном испытании — о войне, фашистской оккупации, о борьбе народа, о его моральной силе и патриотизме — мог только сам народ. На тему эту написано немало хороших романов, повестей, поэм. Но, без преувеличения, мало кому из нас даже на тридцати—сорока печатных листах удалось так раскрыть истоки и силу патриотизма простого советского человека, так ярко, так убедительно, как это сделал Андрей в трагикомедии, которая вмещается всего в два часа сценического времени.

Новая комедия Макаенка «Таблетка под язык», работу над кото-

рой начали Театр им. Я. Купалы и Московский театр сатиры, по своей теме, стилю примыкает к «Левонихе на орбите». Село 70-х годов с его проблемами исследуется автором в довольно широком диапазоне событий в жизни людей различных категорий — от прославленного председателя колхоза до выпускников школ, перед которыми стоит нелегкая дилемма: остаться в селе или ехать в город. О миграции молодежи много писалось. В литературе выработался уже определенный сюжет, который, если не считать некоторых вариаций, стал почти трафаретным. Андрей Макаенок, который черпает конфликты только из жизни и никогда не поддается литературным влияниям и веяниям, повернул эту тему совсем по-своему, свежо, оригинально, самобытно и, думается мне, в социальном плане правильно: со взглядом не назад, а вперед, как это было в «Левонихе на орбите». Тогда проблема комедии шокировала некоторых критиков. Прошло десять лет, и жизнь показала, что Лушка — типический образ сегодняшней деревни.

Возможно, и на этот раз не все критики примут авторское отношение к проблеме миграции молодежи. Но председатель колхоза «Новое Полесье» Герой Социалистического Труда Владимир Опанасович Степченко, прочитав пьесу, сказал: «Макаенок в полный голос сказал о том, о чем я постоянно думаю, наблюдая жизнь в своем колхозе».

...Андрей Макаенок читает корректуры «Таблетки под язык» (комедия будет опубликована в журналах «Полымя» и «Театр»), встречается с режиссерами-постановщиками, «доводит до кондиции» каждый эпизод, каждую реплику, а сам уже живет новой пьесой. Он проверил сюжет в кругу первых слушателей — своих друзей. Не раскрываю по просьбе автора темы, но могу сказать: это по-макаенковски оригинально, весело.

Не без хорошей профессиональной зависти наблюдаю я за творческим взлетом своего друга. На высокую орбиту вышел драматург-комедиограф Андрей Макаенок.

Доброго и счастливого тебе почета, друже!

МИНСК.